

При первом взгляде на прозу Павла Кренёва возникает справедливая мысль о новой волне деревенской прозы. Ведь на самом деле, действие многих произведений, составивших книгу, разворачивается на фоне быта северной поморской жизни — «Сваня», «И на земли мир», «Художник», «Маргарита Глебовна», «Поздней осенью на Казанскую»... Казалось бы, тут явно прослеживается нить корневой традиции, восходящей к именам Фёдора Абрамова, Виктора Астафьева, Василия Белова.

Однако на деле — всё гораздо сложнее. Наряду с крестьянским бытом у П. Кренёва возникают суровые будни морской планиды. На память приходят такие писатели, предшествовавшие ему: Константин Паустовский, Михаил Пришвин, Юрий Казаков, Виктор Конецкий и — если бросить взгляд за океан, то и Генри Торо, Фенимор Купер, Майн

Рид, Герман Мелвилл, Джек Лондон. Аналогия с последним особенно примечательна, так как одной из наиболее волнующих Кренёва тем является борьба за существование. При чтении повести «Беляк и Пятнышко», где стоически держится за жизнь юная зверобойка Аня Матвеева, которую товарищи по бригаде забыли среди ледяных торосов. Как тут не вспомнить лондоновские «Любовь к жизни» и «Белое безмолвие».

Впрочем, у Кренёва есть и существенное отличие от позиции «моряка в седле». Герои Джека Лондона — волевые, целеустремлённые, наделённые неуёмной жаждой жить — готовы пойти на всё ради собственного выживания. Воля к жизни, во многом восходящая к философии Ницше, наделяет их своего рода нравственной глухотой: один из его персонажей убивает собаку, чтобы согреть свои коченеющие руки в её тёплом нутре.

Девочка Аня на это не способна: найдя двух беспомощных бельков — детёнышей гренландского тюленя, чью мать застрелили зверобои, она согревает их своим телом и согревается от их природного тепла. Аня наделяет малышей именами, давшими название повести: для жительницы поморской деревни важно создать семейную атмосферу даже в экстремальной ситуации.

В аннотации к сборнику сказано, что эта проза поднимается до философского взгляда на мир. Это — не преувеличение. Только философия Кренёва — не человеконенавистническая, а духовная, экзистенциальная. Вспомним, что Жан-Поль Сартр считал, что экзистенциализм — это гуманизм.

Автор с бережливостью относит к трепетным душевным порывам героини: Аню спасают возвратившиеся зверобои, и её озябшие ноги и кисти рук обходятся без ампутации: в этом помогли тёплые рукавицы, подаренные девушке влюбившимся в неё четвёртым помощником капитана — Михаилом Плотниковым. Заканчивается повесть некоторой недосказанностью: автор сообщают, что юные герои «подружились крепко-крепко. На всю жизнь». Но что сие означает? Может быть, в суровом, молчаливом характере поморов не принято распространяться о любви и прочих «телячьих нежностях»?

Но не следует думать, что хэппи-энды сопутствуют всем историям, рассказанным Кренёвым. В повести «Сваня» непутёвый охотник Феофан ненароком подстрелил ле-

беда. В его жизни вообще всё идёт наперекосяк. То он, подобно шукшинским чудикам, строит самолёт, которому не суждено взлететь, отчего жена Зинаида уходит из дома. То вот этот лебедь.

Остро чувствуя вину, Феофан находит и отлавливает подранка. Приносит его домой и с помощью сельской фельдшерицы вылечивает перебитое крыло. Наделённая гордым, независимым нравом птица поначалу не сильно жалуется своего мучителя и спасителя, но постепенно привыкает к жизни в крестьянском хозяйстве, становится едва ли не членом семьи. Феофан даёт ему имя Сваня, ориентируясь на то, что в Европе лебедей зовут сванами.

Оправившийся от раны лебедь отпущен на зимовку в открытую поляну — до той поры, когда по весне вернутся его сородичи. Казалось бы, остаётся только ждать счастливого окончания этого драматического сюжета. Но Павел Кренёв решительно напоминает нам о том, в какое бездуховное, жестокое время мы живём. Объявившиеся на озере высокопоставленные браконьеры на глазах Феофана безжалостно убивают Сваню. А когда он пытается отомстить за смерть пернатого друга, получает удар прикладом в лицо. В довершение бед, именно его обвиняют и в браконьерстве, и в нападении на садовых гостей.

Не менее драматична и судьба волчонка Белоушко, выросшего среди людей; и житейские мытарства самодельного художника, колхозника и грибника Нестора Квасни-

кова (здесь автор слегка прикасается к военной теме), и земная планета других персонажей кренёвской прозы.

Истории всех своих героев прозаик излагает в ясной, бесхитростной манере. Да для таких простых, взятых из гущи жизни сюжетов вычурность языка и стилистические изыски, пожалуй, и противопоказаны. Иногда в речи героев, как роса на утренней траве, поблёскивают вкрапления северно-русской, архан-

гельской «говóри», но и к этим словесным украшениям Павел Кренёв относится экономно, не старается уснастить ими всю прозаическую ткань. Вероятно, памятуя о том, что из этой сокровищницы уже выбрано достаточно самоцветов такими кудесниками слова, как Степан Писахов и Борис Шергин. Он не забывает о том, что является писателем XXI века и последовательно стремится соответствовать современной речевой ситуации.